

**ФРОНТОВАЯ БИБЛИОТЕКА
КРАСНОФЛОТЦА**

НИКОЛАЙ ЖДАНОВ

Ф Л А Г

ВОЕНМОРИЗАТ

1948

Смерть немецким оккупантам!

ФРОНТОВАЯ БИБЛИОТЕКА КРАСНОФЛОТЦА

35371
W
8

НИКОЛАЙ ЖДАНОВ

9(с)
2432

Ф Л А Г

Пезв. Обл. Б-ка
имени
М. Ю. Лермонтова
Читальный зал

УПРАВЛЕНИЕ
ВОЕННО-МОРСКОГО ИЗДАТЕЛЬСТВА НКВМФ СОЮЗА ССР
Москва - 1942

Содержание

	<i>Стр.</i>
Маневр	3
Кочегар боя	10
Флаг	16
Три секунды	21

Редактор *Б. Соловьев*

Подписано в печать 26/XII 1942 г. ГМ32034.

Печ. л. $\frac{3}{4}$. Печ. зи. в 1 п. л. 43 320. Уч.-авт. л. 1,24. Заказ 1994.

Фабрика юношеской книги изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия»,
Москва, ул. Фридриха Энгельса, 46.

Маневр

Снаряд разорвался, и эхо разрыва глухо загрохотало вдоль невидимого в темноте берега.

— Держи левее! — посоветовал Карасюк.

Уже более часа он и Авдеев шли под огнем, ведя за собой две старые шхуны. Задача, которую поставил перед ними командир десанта Осьмушкин, проста и ясна. Надо пробраться вдоль берега, занятого немцами, и, как говорил Осьмушкин, убедить гансов, что перед ними большой десант моряков. Вот и все. Немцы откроют огонь, стянут сюда силы, а в это время Осьмушкин высадит на другом участке десант и ударит во фланг.

Особый, яростный, веселый азарт, исходивший от каждого слова и жеста Осьмушкина, сразу, как огонь бересту, захватил и зажег обоих краснофлотцев. Весь день Авдеев и Карасюк готовились к операции. Их было всего двое на катере. В шутку они называли друг друга командиром и комиссаром:

— Товарищ командир Авдеев!

— Товарищ комиссар Карасюк!

— А как наш десант? — и они с улыбкой

оглядывали пустые старые шхуны, приспособленные ими для транспортировки...

Опять в темноте, словно стук деревянного молота, раздались глухие удары. Сразу завывло несколько снарядов. Они стали лопаться где-то совсем рядом, швыряя катер из стороны в сторону и обдавая его водой. Теперь уже не было в этих разрывах прежней методичности. Один гул вливался в другой, и раскаты взрывов переходили в нарастающий вой новых снарядов. Казалось невероятным, что катер все еще держится на воде и что маленький керосиновый двигатель упрямо стучит, унося его все дальше вперед, в мглу ночи, освещаемую только зарницами разрывов.

Карасюк, шатаясь, подошел к Авдееву.

— Ну, что, комиссар?—не отпуская штурвала и попрежнему глядя вперед, спросил Авдеев.

Неловко улыбаясь, Карасюк вместо ответа быстро юркнул в проход за железную стену рубки, потому что у борта разорвался снаряд и катер подбросило так, что он поднялся на ходу и бортом зачерпнул воду.

Грохот стих, и странная тишина неожиданно нависла над морем. Берег молчал, и молчал катер. Волны медленно катились мимо. Тяжелое, сырое небо давило на воду. Желто-бурое зарево далекого пожара то поднималось над волнами, то снова исчезало во мгле.

— Карасюк, эй! — крикнул Авдеев, отходя от рубки и заглядывая в моторный отсек.

Ответа не было. Тогда Авдеев стал спускаться вниз по маленькому трапу и сразу наткнулся в полутьме на распластанного в проходе Карасюка. Он лежал на полу лицом вниз, откинув руку на выступ нижней ступени.

— Ты что, а? — спросил Авдеев, склоняясь над ним и чувствуя сжимающую горло дрожь. — Сема, — взволнованно произнес он, опускаясь на колени. — Сема, комиссар!

Он попытался повернуть его голову к себе и сразу ощутил под рукой теплую, еще бьющую струю крови. Напрягаясь, он подхватил тело своего друга, одетого в плотный, пахнущий машинным маслом комбинезон, вынес его из прохода, положил у пулемета и, достав из кармана бинт, стал торопливо перевязывать рану. Ему казалось, что его неумелые движения причиняют Карасюку боль, и он все время говорил какие-то бессвязные, успокаивающие, ласковые слова. Он уже заканчивал перевязку, когда вновь услышал свистящий, стонущий звук, за которым послышался грохот разрыва.

«Мина», — решил Авдеев и осмотрелся.

Плотные, тугие волны с прежней неторопливостью катились мимо, покачивая катер. Теперь они были светлее, чем раньше. Тусклое оловянное небо чуть поднялось, раздвинулось, стало отчетливее, и справа от себя Авдеев ясно разобрал коричневые очертания берега.

Надо было возвращаться к тому, что находилось где-то за пределами его горя и требовало

новых усилий воли, решений, действий. Он снял плащ и накрыл им неподвижно лежащего Карасюка. И вдруг с какой-то почти болезненной растерянностью он понял, что остался один. То, к чему он привык за два года службы с Карасюком на этом закопченном старом катере, нарушено вмешательством непоправимых обстоятельств. Маленький неразговорчивый Карасюк стал за эти годы неотъемлемой, необходимой частью его самого, его жизни, службы, размышлений и дел. С внезапным испугом он припомнил, что за все время, пока он возился сейчас с Карасюком, тот ни разу не проронил, не произнес ни одного звука. Он торопливо опустился на колени и со страхом всмотрелся в неподвижное лицо друга.

— Сема, — позвал он. — Сема, друг ты родной! Слышишь?

Карасюк с усилием поднял тяжелые веки и слабым движением языка облизал запекшиеся губы. Неловкая, как бы виноватая улыбка появилась на его осунувшемся, позеленевшем лице, и он еле слышно пробормотал:

— Я сейчас... я сейчас, ты иди... я сейчас... Он сделал неуверенное движение рукой, но тотчас же голова его запрокинулась снова и глаза медленно закрылись.

Авдеев почувствовал неизъяснимое желание обнять своего друга, сказать ему какие-то особые, дающие силу слова, но он только медленно приблизил к нему свое лицо и, поцеловав хо-

лодный, влажный лоб, встал и пошел к мотору:

Авдеев долго возился, пытаясь завести его. Наконец, обнаружил, что бак пробит осколком и бензин вытек. Он заделал пробойну тряпкой и, налив горючего из запасного бака, запустил мотор. Вернувшись в рубку, он несколько секунд раздумывал о том, что же делать дальше?

Все это время, пока Авдеев не принял определенного решения, его не покидала мысль о возвращении. «Задача почти выполнена. Надо спасти Карасюка. Буксир уже не пригоден для операции», — эти доводы один за другим мелькали в голове. Он смутно чувствовал, что не эти доводы, а все нарастающий огонь немецкой артиллерии заставляет его так охотно и с каким-то сладостным облегчением думать о возвращении в гавань. Но что-то мешало ему принять это решение. Он смутно понимал, что есть другой, более сильный аргумент, перед которым все эти рассыплется в пыль и потеряют всякую силу. Это трудно было объяснить даже самому себе. Но он твердо знал, что не сможет жить, уважать себя, смотреть в лицо и Карасюку, и Осьмушкину, и всем другим людям, если он подчинится сейчас благоразумной логике этих доводов.

Авдеев взглянул на лежавшего у пулемета Карасюка и поймал на себе недоумевающий, упорный взгляд раненого товарища. Казалось, тот угадывал его мысли, и Авдееву вдруг стало невыносимо стыдно своей нерешительности.

— Сейчас, сейчас! — крикнул он как бы в ответ на безмолвный вопрос друга и, взявшись за руль, развернул катер прямо к берегу противника.

Вокруг попрежнему, с назойливой методичностью, рвались снаряды и мины, но их вой-теперь только раздражал его, не вызывая никакого беспокойства. Небо стало еще шире и выше, и на упругих тугих скатах волн играли металлические блики балтийского рассвета. Авдеев посмотрел на часы. Они показывали как раз то время, когда Осьмушкин должен был высаживать свой десант. Он представил себе решительное, упрямое лицо Осьмушкина, и опять стало стыдно, что его могла занимать мысль о возвращении в гавань.

Авдеев снял поясной ремень, крепко закрепил им штурвал руля так, чтобы катер сохранял взятое направление, и вновь подошел к раненому. Теперь лицо Авдеева было совсем спокойно и в глазах светился веселый огонек.

— Сейчас мы им устроим, Сеня. Сейчас, товарищ комиссар!

Он достал дымовую шашку и, закрепив ее на корме, зажег фитиль. Затем он все с той же улыбкой человека, уверенного в том, что он принял правильное решение и будет его выполнять до конца, хотя бы это стоило ему жизни, подошел к пулемету. Катер на полном ходу двигался к берегу, рассекая волну и оставляя за кормой непроницаемую завесу. С берега загро-

хотали новые выстрелы. Снаряды разрывались вокруг, выбрасывая высокие гейзеры воды, так что катер мчался как бы по аллее непрерывно вырастающих из воды белых кустов.

— Держись, Сенечка дорогой! — кричал Авдеев, припав к пулемету и открывая огонь по берегу. В эту минуту он был убежден, что нет такой пули, которая сразила бы его. Ствол пулемета нагрелся, в кожухе закипела вода, пустые ленты одна за другой ложились к его ногам, слабо дымясь и издавая запах пороховой гари.

Бледный, умирающий Карасюк, широко и радостно раскрыв глаза, слушал бой, как слушают любимую песню, доносимую издали порывами ветра. На губах его застыла слабая, почти детская улыбка.

До берега оставалось всего несколько сот метров, когда Авдеев снова бросился к рулю и развернул катер, закрыв его от глаз врага пеленой белого шашечного дыма.

В это время снаряд ударил в одну из шхун, стоявших на причале, и разбил ее в щепы.

«Накрывают!» — со злостью подумал Авдеев и подошел к пулемету. Казалось, что близкие разрывы снарядов только придают ему силы, увеличивают задор, осветивший его душу.

Страшный удар в корму разворотил катер, и пробитые осколками тела друзей легли рядом у замолчавшего пулемета.

Наступила та особая, почти торжественная тишина, которая возникает только в бою на мгно-

вание, разделяющее два залива. Сырой ветер донес далекий треск пулеметов с той стороны, где высадился отряд Осьмушкина.

Ни Авдеев, ни Карасюк уже не могли этого слышать.

К вечеру ленивые волны прибили к береговым валунам искалеченный снарядами катер. В этом месте берег был снова наш.

Осьмушкин вброд добрался до катера. Уставший, мокрый, с перевязанной бинтом головой, он долго стоял на высоком камне, к которому прибило катер. Ветер трепал его слипшиеся от крови волосы. Сверкающие в красных отсветах заката брызги волн обдавали тела двух лежащих на разорванной палубе краснофлотцев.

«Прав ли он был, вмешавшись в их судьбу?» Мысль эта на секунду мелькнула в усталом мозгу, но он сразу отогнал ее. Он видел не раз, как люди, от которых борьба требовала жизни, — отдавали ее. Он считал это правильным и знал, что сам поступит так же.

На берегу яростно заработал пулемет. Война торопила командира к его делам, и, медленно повернувшись, он тихо побрел по воде к опаленному боем берегу.

Кочегар бою

Был у нас один; не слишком большой, вихрастый. Мы тогда на берегу дрались, а они в море подлодку немецкую глушили. Катерок у них

продолговатый такой, юркий — «охотник» называется. И с него они подлодку, как рыбу, бомбами достают. Только рыба глушеная наверх идет, а подлодка на дно, и оттуда пузыри пускает и пятна нефтяные дает. Пятна эти блестят, и в них все видно, как в зеркале; смотрят бойцы — лежит лодка, как выпотрошенная, — затонула, значит.

Вот мчатся назад, довольные. С шалету — стук на мину!

Одиннадцать человек их было. Шесть на берег выбрались промерзшие, синие. А у нас какая же санатория — бой идет. Ну, спиртом мы их натерли, внутрь дали. А немец прямо к гавани прет. Вот их на другой день — по рогам. Вы, мол, моряки, люди бывалые, а у нас народ молодой, необстрелянный, покажите пример, как в атаку ходить.

Этот как раз в нашу роту попал. Комиссар привел.

Знакомимся.

— Кочегар, — говорит, — я 1-й статьи, но и по другим статьям взять — тоже не последний. Родился в 1916 году не по собственному желанию. Только мать меня родила легко и в самую ночь под воскресенье. Оттого живучий я, ничто меня не берет. Вот пойдем в атаку, увидите.

И что же ты думаешь, — ну, сквозь пули ползет! Пулеметные расчеты фрицевские гранатой снимает в живой возвращается. Ну и уважа-

ли его бойцы! И комиссар любил. Кочегаром боя звал. «Он, — говорит, — весь жар дает в сражении».

Так ведь из других рот приходили: «Дай нам кочегара, атака зажухла, требуется огоньку подбросить». Не давал. Берег. Живуч, живуч, а все может случиться. «Он-де у меня боец, а не гастролер, своих таких заведите».

Привык к нам. Однако по морю скучал. Выйдет другой раз на берег, сидит, смотрит на волну, думает.

Как раз в это время танкисты* нам Рансу привезли. С ней тоже история: на рассвете вырвался наш «КВ» к одной деревне. А от околицы навстречу девушка: «Куда вы? Немцы тут».

— А мы их ищем. Знаешь, где они?

— Знаю.

— Ну, садись! — крышку ей открыли. Она — в танк. Сидит, указывает: «Вот тот дом у скворешни».

Они с ходу на дом. Только бревна хрустят да кости немецкие. Самый штаб их был тут.

— Теперь, — говорит, — сюда, к овину, — склад там.

И все — чисто по расписанию. Очухались немцы, а наших уж и след простыл, только пыль на огороды ложится.

— Ну, — говорят, — девушка, спасибо. Вылезай.

— А куда ж я теперь без вас?

Вот они ее к нам в роту. Комиссар ее к ме-

дали записал, форму выдал: «Дружинникам будешь помогать».

Утром вышел кочегар боя к морю. Глядит, купается кто-то. Гимнастерка на камни брошена, сапоги. «Дай, — думает, — и я выкупаюсь». Разделся, плывет, а это — Раиса.

Задорная она была, белозубая, крепкая, как кремь, и гибкая, будто молодая яблоня. Увидал он ее, оробел даже. Вода-то прозрачная, чистая, как стекло. А она в лицо ему брызжет. «Не туда пикируешь», — кричит.

И бывает же так — первый человек в атаках, а тут растерялся, сконфузился; кое-как выбрался на берег да тягу. А она его заметила. Завидит где, подругам чего-то шепчет, и хохочут все.

Не могу сказать, как это его задевало. Мрачнел. Злился. «И зачем, — говорит, — только их на войну берут, баб этих». А издали увидит ее, зардеется, словно мальчик. Видно, полюбилась ему Раиса. Загрустил парень. А тут еще бои прекратились. Выдохся немец, закопался в землю, и мы тоже начали закапываться. Только мины нам очень мешали. Установили немцы батареи в противотанковом рву. Ну и постреливают. Дорогу просматривали. Ни подъезду, ни провозу.

И решено было — взять ров обратно.

Ночью собрались мы в траншее. Впереди голое поле, метров сто, за ним ров этот.

Вот поползли. А немец ракеты жгет. Свет такой будто с тебя фотографию снимают. И вдруг

мины завыли, пули! А до рва еще — у, степь дикая. Мы обратно, в траншею. И так раза три. Все меньше нас становится. А дела, считай, я не начинали еще.

Только замечаем — все мины вправо ложатся и вглубь, а нас пулемет сечет косоприцельным огнем из рва. Кочегар боя говорит: «Разрешите, товарищ комиссар, я один поползу. Мне, — говорит, — огня бояться нечего. Мне одна цыганка нагадала, что вовсе я от клюквенного киселя умру, объемя, должно быть, что ли. И вправду, очень я этот кисель люблю, особенно, когда он теплый, да чтоб с холодненьким молочком». И ведь надо же, чего придумает человек, это в такую минуту!

Комиссар обнял его, поцеловал, запалы в гранатах проверил. Пополз он. А все, как на ладони, видно.

Тяжелое это дело — смотреть, как человек на смерть ползет. Земля кругом мертвая, пришибленная, глухая. Убито вроде в ней все, хребет словно какой сломан. И ни ласки уж нет от нее, ни укрытия.

Вот один разрыв около него ложится. Другой. Заметили, стало, сейчас накроют.

И видим мы это, бойцы, и не вмоготу нам. Горло давит. На наших глазах человек умирает, и за нас он это, а мы стоим. Гляжу, вырывается из траншей один боец, не боец — баба! Раиса это! И комиссар не выдержал. Крикнул что-то, и бросились мы все на ров.

В мирное время на стадионе я стометровку в одиннадцать секунд брал. И тут, думаю, не больше мы бежали. Пулемет их только взялся и сразу хрюнул, смолк. Мы в ров вскочили.

Минут так двадцать или сколько — не знаю, что было. Не могу рассказать. Такое чувство охватывает, словно чем больше грома, свиста, опасности, тем легче тебе. Ищу еще живых немцев. Нету их больше во рву — все перебиты.

Собрались мы, осмотрелись. Под ногами трупы немецкие в два ряда, ходить скользко.

Но где же кочегар боя? Ребята видели, как он вскочил, когда началась атака, метнул гранату метров на сорок вперед (здорово он умел это делать!), а затем пропал в дыму. Пулемет не мешал нашей атаке, значит, кочегар его уничтожил. Но где он сам? И вдруг замечаем — ползет кто-то ко рву. Тяжело ползет, двинется чуточку и никнет к земле. Так и есть — кочегар боя! Но, видно, совсем не под силу ему. А ракеты выются — светло, как в кино. Тонко так мина проныла. Одна, другая. Снова треск над полем.

Смотрим, появляется из воронки Раиса. Как она выбралась на поле, не заметил никто. Ползет прямо к нему. Кочегар заметил ее тоже. Приподнялся чуть, рукой замахал — уйди, дескать, погибнешь из-за меня. Сам попробовал ползти — упал! Тут тяжелая батарея их вступила. Пыль. Ничего не видно. Потом глядим, а она уж голову его на колени себе прислонила.

бинтом перевязывает. Ей бы сразу в траншею его тащить, так нет. Ударил снаряд, и ведь далеко разорвался от них, но, видно, осколком достал. Приникли оба к земле и... не поднялись больше.

Да. Вот так-то.

Утром уже, когда все контратаки отбили, похоронили мы их обоих около рва, на высотке. И вот сколько месяцев рубеж этот держим, так каждый день немцы могильный холмик снарядами обстреливают. А бойцы его цветами украшают и листьями. Вся земля вокруг холма этого взрыта и огнем опалена. Чуют немцы, что лежит тут в земле что-то дорогое нам. А что — не понять им. Вот и бьют с досады!

Потом, когда сгинут они с земли нашей, зарастет высотка та травой и ров танковый, словно шрам боевой, затянется. А люди, я думаю, не забудут этого моряка, любовь его чистую, невысказанную, и веселую девушку Раису. Не забудут, потому что людям этим отдали они свое счастье нераскрывшимся, нетронутым. И, может, расцветет еще на земле их любовь. Ведь людям-то она всего нужнее. Верно ли?

Флаг

(Рассказ командира)

Я увидел его впервые за два часа до боя на палубе нашего корабля. Он стоял, прислонившись плечом к брезентовому чехлу кормового

орудия. Краснофлотец, вероятно, думал о чем-то своем; он слегка склонил голову, словно прислушиваясь к шороху корабельного флага.

Слыхали ли вы, как шумит на ветру флаг идущего в море корабля? Сдержанный, радостный звук этот иному моряку говорит больше, чем иному музыканту все рапсодии Листа. Не раз, будучи в море, я видел, что какой-нибудь свободный от вахты краснофлотец стоит у готмачты и прислушивается к шороху крылатого полотнища, к течению струй, убегающих за корму. Мне кажется, что именно в такие минуты моряк более всего осознает себя моряком. Правда, с годами привыкаешь ко всему и самое романтическое становится обыденным и простым. Должно быть поэтому в делах, в суете порой не замечаешь маленького краснозвездного флага.

Но вот когда нельзя забыть о флаге, так это в бою, когда он гордо и победно развевается над головой, свидетельствуя о готовности корабля принять сражение. И когда в промежутке между двумя залпами тишина на какую-то долю секунды повисает над морем, еле слышный трепет корабельного флага ласково касается напряженного слуха каждого из бойцов.

Вот и теперь, когда я смотрел на этого паренька, мне подумалось, что, слушая задорный трепет корабельного флага, он обретает поддержку, спокойную уверенность, так необходимую в бою и с таким трудом достигаемую человеком, не бывшим еще в переделках, где победа и

смерть идут рядом и жадно следят за исходом борьбы.

Нам надо было взять укрепленный остров противника. Мне не раз приходилось видеть горбатую гряду, угрюмо высившуюся над морем. Когда-то этот остров пытался выглядеть мирным курортом. На площадках у домиков, окруженных соснами, люди играли в крокет. Теперь мы знали, что здесь готовилась база, предназначенная для нарушения наших морских коммуникаций.

Я склонен утверждать, что самое напряженное время для бойца — это не бой, а те минуты или часы, которые предшествуют бою; каждую секунду ты можешь ждать удара. И это «ждать» гораздо труднее, чем отражать удар, действовать.

Мне захотелось поговорить с этим краснофлотцем. Узнать его настроение. Подбодрить, если понадобится!

Я сошел с мостика и будто невзначай прошел на ют, где он стоял.

— Что вы тут делаете? — спросил я его.

— Размышляю, — сказал он просто и выпрямился, как требуется по уставу.

Я посоветовал ему пойти в кубрик, чтобы не промерзнуть без толку на холодном ветру. И когда он уже направился на бак, я бросил ему вслед:

— Не боятесь?

— «Здесь страх не должен подавать совет», — ответил он попрежнему очень непринужденно, и

я заметил на его мальчишеском лице сдержанную, лукавую улыбку.

Он ушел, а я стоял, вспоминая, где слышал эти слова. Я уже хотел вернуть краснофлотца и узнать у него, откуда он взял эти слова, так хорошо пришедшиеся к тому, что каждый из нас испытывал в минуты ожидания боя, но услышал, как вахтенный сигнальщик докладывал, что на горизонте появился остров. Я поднялся на мостик.

Два военных корабля противника показались вдали. Мы развернулись для торпедной атаки. На это ушло всего несколько коротких и напряженных минут. Люди разместились у орудий, и скоро раздался глухой, шипящий выстрел, выбросивший длинный цилиндр торпеды. Словно большая рыба, она шлепнулась за борт и стремительно ринулась вперед, оставляя пенистый след на поверхности моря. У корабля противника возник высокий столб брызг, и до нас допелся грохот взрыва.

Первый успех воодушевил краснофлотцев. Весело шли приготовления к высадке десанта. Многие считали, что самое трудное уже позади, что опасность почти миновала и операция уже увенчалась успехом. Но когда мы подошли к острову, — только-что видны стали прибрежные камни, о которые яростно бились холодные волны, — воздух напряженно загудел от выстрелов. Мы ответили всеми орудиями нашего корабля. Однако на острове замолчали не сразу, и

нам пришлось высаживаться в шлюпки при довольно-таки беспокойных обстоятельствах. Снаряды ложились совсем недалеко от нас, поднимая столбы брызг.

Один из снарядов ударил в грот-мачту ниже гафеля. Верхняя часть мачты упала вниз, волоча концы оборванных снастей. Боевой флаг наш оказался сбитым. В ту же минуту я увидел знакомую фигуру молодого краснофлотца. Сбросив шинель, он стал подниматься по мачте, быстро и ловко работая ногами. В руках у него был запасный флаг.

Большинство шлюпок было уже спущено на воду. Сидевшие в них люди очень беспокоились о судьбе своего флага, и через минуту он снова взвился над кораблем.

Прибрежные камни мешали грести; краснофлотцы в едином порыве бросились в атаку на остров по пояс в воде. Несколькими точными залпами с корабля нам удалось резко ослабить, а затем и совсем подавить огонь противника.

Наблюдение за ходом операции захватило все мое внимание, и только когда наше знамя взвилось над укрепленными берегами, я огляделся. Проходя на ют, где обнаружилась пробонна, я заметил чью-то шинель, валявшуюся у вентиляционной трубы. Вахтенный доложил, что это шинель раненого краснофлотца Троева. Я пошел к нему — это был боец, поднявший флаг. Он оказался тяжело раненым в грудь.

— Вам трудно было подниматься? — спросил я.

— Не помню, — ответил он. — По-моему, не трудно. Я не чувствовал боли. Я должен был поднять флаг.

Ему надо было успокоиться, уснуть. Я вышел, и только вечером, когда эсминец вернулся на базу, вспомнил о словах, которые этот паренек сказал мне перед боем: «Здесь страх не должен подавать совет».

Уже потом я узнал, что они принадлежат Данте Алигьери. Я достал «Ад» и увидел этого человека на портрете таким, каким написал его Рафаэль, — в черной накидке на плечах, с непокорным огнем в пытливых глазах, освещающих исполненное энергии лицо. Я много раз перечитал «Ад», поражаясь тому, с каким могучим чувством жизни писал Данте о смерти, о страшных и мрачных вещах.

Я подолгу смотрел на его портрет и думал, что он, этот человек, тоже помог Троеву сохранить присутствие духа там, где страх так охотно подает совет.

Три секунды

Рассказал это майор инженерных войск Илья Александрович Багрейчук.

«Противник обошел линию укреплений, вырвался к реке и стремился перейти ее, чтобы ударить во фланг нашей армии. Колонна немецких танков быстро двигалась к большому железнодоро-

рожному мосту с высокой эстакадой и могучими виадуками, поднявшимися над мутной водой.

Приказ об уничтожении моста был получен внезапно, ночью, и выполнять его надо было немедленно. Со мной, — сказал майор, — находилось девять бойцов. Остальные оказались заняты оборудованием эскарпа, километрах в шести от моста, а уже через двадцать минут немецкие танки могли появиться.

В дежурном блиндаже нашлось достаточное количество тола, но не было взрывных машин и бикфордова шнура. Значит...

Саперам понятно было, что это значит.

В полном молчании мы подошли к мосту и остановились, прислушиваясь.

Бывает так, что несколько тихих секунд перед боем оставляют в душе след более глубокий, чем многие часы напряженного, смертельного сражения. Так было и тут.

Откуда-то из мглы донесся к нам слабый звук лязгающего о камень железа. Танки!

— Кто вызовется остаться на мосту, подождать, когда приблизятся танки, и поджечь тол? — спросил я. В таком деле всего лучше действовать не одним лишь приказом.

Секунды три все молчали.

Мысль человеческая быстра, и я уже успел подумать, что они не могут решиться. В слабом свете я видел лица бойцов.

Один из моряков был старшина 2-й статьи Климов. Немолод уже. Глубокая складка про-

резала его лоб. Усмешка гордая и прямая чуть искривила губы. Видно было: этот уже решил. Он ждет только — напряженно, сочувственно, как переживут эти мгновения его молодые товарищи по оружию. Зачем ему обижать их в эту минуту превосходством своей твердости..

А рядом с ним — юный Быстрейко Игнат. Он уже сделал чуть заметное движение вперед и застыл так: лучше подождать еще мгновение. Его порыв могут принять за торопливость. Он знает — юность не всегда вызывает доверие.

Еще одно, одно лишь мгновение выдержки..

И третий, широкоплечий сибиряк Федор Плотников. Угрюмо сдвинул он тяжелые брови. Силы в нем — на столетия целые. Трудно ему обуздать жадно бурлящую в широких жилах кровь, зовущую к жизни. Но на что она, жизнь, если нельзя будет открыто глядеть в глаза товарищам своим, и жене, и сыну?

Сжал он кулаки, напрягся весь. Вот сейчас грузно шагнет вперед, глубоко вдавливая оседающую под ним землю!..

Не видно было лиц других бойцов, но уже понял я, что и для них это не секунды колебаний. Это секунды последнего раздумья, когда человек всматривается в самого себя, собирает силы и волю, чтобы уже до последнего мгновения жизни забыть о себе.

Все, что воспитала в человеке жизнь, как бы открывается в эти мгновения его внутреннему взору, открывается, озаренное его волей к жиз-

ни, воспоминанием о ласке матери, о чистом, омытом дождем небе над родным лесом, о первом прикосновении жены, о мягком вихорке волос на голове спящего сына. И чем больше у человека любви к жизни, чем благороднее и сильнее она, тем ярче вспыхнет в его душе вызванная этим воспоминанием горячая, обжигающая душу непреклонная ненависть к врагу.

Сильным становится человек, обожженный изнутри огнем этой ненависти. Гордо смотрит в лицо опасности, презирая ее и смерть самое презирая. И тогда шагает он вперед, готовый на все, словно алмаз выплавился в эти секунды в его душе, — так же крепко, благородно и чисто его чувство.

Опять в ночной тишине, но уже ближе и явственнее, раздался грохот и лязг приближавшихся танков.

Все девять шагнули вперед.

Я обнял и поцеловал каждого из них. Те трое получили приказ умереть — Михаил Климов, Игнат Быстрейко, Федор Плотников.

Они погибли в обломках стальных виадуков, обрушенных в пучину реки вместе с немецкими танками, подпущенными на середину моста».

Встань, товарищ! Голову обнажи! Кто ты? Летчик, слесарь, швея? Пусть гнев высушит слезы. Помни о павших в бою, гордись ими. Родина наша их породила.

Пенз. обл. Б-ка
имени
М. Ю. Лермонтова
Читальный зал

25 коп.